

Утреннее небо было всё ещё затянуто тьмой и ждало восхода солнца.

Однако в горах Окутамы виднелось несколько огней.

Большинство из них исходило от ранних пташек с фермерских угодий, но один отличался.

Свет исходил из поместья Хибы, где на возвышенности располагалось додзё с открытой крышей.

Исходил он из кухни и отбрасывал тени двух людей, стоящих перед входом.

Под прохладным утренним воздухом стояли Синдзё и пожилая женщина из прошлой ночи.

Тень Синдзё двигалась, пока она кланялась пожилой женщине снова и снова.

— Спасибо Вам большое за всё.

Со смущенным выражением лица она держала бумажный пакет с завтраком, который передала ей пожилая женщина. В нём находились онигири и овощи.

Пожилая женщина была одета в фартук и улыбалась. Она вытерла руки о низ фартука.

— Бегом домой. Ты же не хочешь будить молодого Саяму, правда?

— Нет, — сказала Синдзё, вспомнив, как проснулась этим утром.

Когда она впервые открыла глаза в темноте, в футоне рядом с ней спал Саяма.

Его шея и правое плечо были перебинтованы, и он спал так глубоко, что не выказывал и намека на пробуждение, пока девушка переодевалась.

Когда Синдзё вышла в коридор, из кухни показалась пожилая женщина.

— Э, Саяма-кун весь обвязан бинтами. Он в порядке? Он что, ударился головой и... ну...

...Я очень надеюсь, что он не стал еще безумнее.

Она искренне переживала, поэтому пожилая женщина немного задумалась, перед тем как ответить.

— Я слышала, он сумел подготовиться к падению, пускай и в последний момент, а раз так, сомневаюсь, что он станет еще безумнее, чем уже есть.

— Похоже, когда дело касается этого, мы смотрим на него одинаково.

Девушка вздохнула, и пожилая женщина горько улыбнулась.

— Ну, после нашей полуночной беседы, я поговорила с ним немного дольше. Синдзё... Садаме-сан, да? Похоже, между вами много чего происходит. О, и с твоим братом, Сецу-куном.

Слова пожилой женщины напомнили Синдзё о прошлом. Она, правда, не смогла вспомнить ничего конкретного.

— Да, действительно очень много происходит.

— Я слышала, он засунул руку тебе между ног, когда ты была в нижнем белье.

— П-почему он так открыто об этом говорит?!

— Ха-ха-ха. Не переживай об этом. Он нечасто говорит о людях своего возраста. ...Но ты, похоже, испытываешь некоторые трудности.

— Я бы не назвала их трудностями, но я определенно нахожу новые сюрпризы каждый день.

— По нашему мнению, это хорошо. И мы не будем больше ни о чем расспрашивать.

— Почему нет? Вы не хотите узнать обо мне больше?

— А ты хочешь, чтобы я спросила?

Синдзё покачала головой. Она приняла решение прошлой ночью.

— Я расскажу ему сама.

Пожилая женщина кивнула.

И её улыбка неожиданно пропала.

Пока Синдзё гадала, что произошло, пожилая женщина бросила взгляд на её правую руку.

Она задала вопрос с любопытством в голосе.

— Кстати говоря, кто дал тебе это кольцо?

— А? Это?

Синдзё глянула на кольцо на среднем пальце правой руки.

У неё было чувство, что можно рассказать этой женщине о его происхождении.

— Оно у меня, сколько я себя помню. ...У меня есть это кольцо, песня и мое имя.

— Сколько из этого знает молодой Саяма?

— Он знает о кольце и песне, но он не знает о нашем имени. Он не знает правду об именах Синдзё Сецу и Синдзё Садаме.

— Правду? — спросила пожилая женщина.

Синдзё кивнула, на минутку задумалась и тщательно подобрала слова.

— Дело в том, что мое настоящее имя не Садаме или Сецу.

Она еще не рассказывала об этом Саяме.

...Он никогда этого не увидит, если я не раскрою мою ложь.

— Моё нынешнее имя что-то вроде псевдонима. Все будут относиться к моей истинной личности как к чему-то особенному, поэтому мне дали нынешнее имя. Вот почему я никогда особо и не использовала мое настоящее имя.

— И тебя это устраивает?

— Мое нынешнее имя более подходит для того, кем я являюсь сейчас. Вот почему я... нет, мы лгали Саяме-куну всё это время. Я никогда не показывала ему свою истинную личину. Даже единожды. Поэтому...

Синдзё запнулась, и пожилая женщина покачала головой.

— Разве дальнейшее ты должна рассказать не молодому Саяме? Такое не следует рассказывать старушке вроде меня.

Её ворчливый тон заставил Синдзё кивнуть. И...

— Вы знаете что-то об этом кольце?

— Я не уверена, — пожилая женщина в замешательстве наклонила голову, осторожно подбирая слова. — Я не хочу давать тебе мнимую надежду, так что скажу прямо: это кольцо — распространенное изделие, которое можно купить где-угодно. Я просто подумала, что смогу начать разговор, если узнаю, кто тебе его дал.

— Н-но вы знаете кого-то, кто носил такое же кольцо?

Её вопрос окутали настойчивость и надежда, но пожилая женщина покачала головой.

— Я не могу говорить об этом так просто, — сказала она. — Неважно когда, но если тебе однажды захочется, и у тебя будет свободное время, поищи этого человека, и попытайся об этом подумать. Надеюсь, ответ, который ты найдешь, окажется тем же, что есть у меня.

— ...

Синдзё ничего не сказала, но внутренне надеялась на то же самое.

Едва улыбка соскользнула с лица девушки, пожилая женщина кивнула.

— Но кое-что я знаю наверняка. Ты желаешь того же места, что и молодой Саяма, не так ли? Ты желаешь места, где можно сражаться и преследовать себя.

— Я...

Синдзё задумалась.

Нет, у неё заготовлен ответ и без раздумий. Она отыскала ответ еще тогда, во время битвы с 1-м Гиrom.

— Да, я приняла решение. Я останусь вместе с Саямой-куном. Это меня пугает, но я предоставлю ему выбирать. Я раскрою свою ложь... и увижу, какую версию меня он предпочтет.

— Какую версию тебя? А ты знаешь, кого он хочет?

— Да. Я знаю, какую версию меня он выберет. ...Он выберет Садаме. Он выберет девушку по имени Синдзё Садаме, ту, что приведет его к судьбе[]Игра слов, соединяющая кандзи Садаме и Микото, чтобы создать слово «судьба».. — Синдзё вздохнула и тихонько продолжила. — Я отплачу за свою ложь, поступая согласно желаниям Саямы-куна. В последнее время, он постоянно сбивал меня с толку... и это помогло мне понять.

— Понять что?

— Если вести себя так, как мне выгодно, причиняет боль, я должна попробовать действовать себе наперекор. Вот что я решила делать. — Синдзё кивнула. — Я уверена, что ответ, которого я так достигну, не будет болезненным.

...Мое решение не ошибочно.

Неожиданно Синдзё услышала вдалеке мотоцикл.

Пожилая женщина пригляделась.

— Это наш внук. Он обещал зайти, набрать немного маринованных овощей. Вроде как, его девушка не хочет завтракать без них.

— Ваш внук?

Пожилая женщина кивнула, и Синдзё осознала, что ей пора уходить.

А раз так, девушка поклонилась. Хиба Додзё прекратит быть местом для неё и Саямы, и станет местом для этого внука и его бабушки с дедушкой. Как только она решила уйти, Синдзё запоздало кое-что осознала.

— Э-эм.

Ей нужно было кое-что спросить. Она не могла поверить, что до сих пор этого не сделала.

— Я ни разу не спрашивала Вашего имени. ...Вы не против мне сказать?

— Тоси.

Тоси-сан, — подумала она вмиг.

Синдзё ощутила, словно гора свалилась с её плеч. Она обняла бумажный пакет, вздохнула и произнесла:

— Большое вам спасибо, Тоси-сан. В следующий раз, когда мы увидимся... — она перевела дух.
— Я прекращу лгать и приеду к вам вместе с Саямой-куном.

Существовало место, куда утренний свет не достигал.

На третьем подземном уровне UCAT при выключенном освещении спало несколько человек.

Вокруг меча длиной в два с половиной метра уснули пять молодых людей в рабочей одежде. Они все сидели или лежали на полу, как им было удобно.

На небольшом расстоянии от той пятерки находился один, который бодрствовал.

Рядом со шлифовальным станком, расположенным чуть дальше от центра комнаты, сидел Касима.

Он носил лабораторный халат поверх рабочей одежды, и его небритое лицо повернулось к клинку.

Меч зафиксировано парил в воздухе, и на нём не оставалось никаких повреждений или накала.

Черный металл заточили, и он испускал гладкий блеск.

Наблюдая за ним, Касима засунул руку в карман. Спустя пару секунд, он будто бы что-то осознал.

— Ох, точно. Я...

— ...бросил курить некоторое время назад. Мои поздравления, папаша.

Касима услышал позади мужской голос. Не оборачиваясь к нему, он высунул руку с кармана.

Кто-то вытянул пластинку никотиновой жевательной резинки перед его лицом.

— Ацута, — произнес Касима, глянув на того, кто держал жвачку.

— Твои воспоминания о курении тоже вернулись на восемь лет назад?

Когда Касима взял жвачку, молодой мужчина в белом плаще испустил вздох.

Он вышел вперед.

Этот бог мечей всегда говорил неподобающие вещи, когда что-то делал, но сейчас не сказал ничего.

Он всего лишь дотронулся до клинка.

Наблюдая за его спиной, рукой, коснувшейся металла, и поддерживающими его ногами, Касима вспоминал прошлое.

... Давным-давно такое уже случалось.

Касима выковывал клинок, и этот бог мечей его оценивал. Восемь лет назад, это происходило практически каждый день.

Поначалу Ацута не хотел иметь с ним дело, но постепенно признал его мастерство. В какой-то момент, это переросло в их нынешние отношения.

Прошло около десяти секунд.

После короткой, но в то же время длинной тишины, спина перед глазами Касимы заговорила:

— Что это за хреновина?

Он провел рукой по лезвию.

— Ты безнадежен.

— Безнадежен?

— Ага, — сказал Ацута. — Ты столько с ним морочился, но он устареет, как только новая технология войдет в обиход.

Слова Ацуты помогли Касиме кое-что осознать.

Ацута не смотрел на клинок. Он повернулся к пятерым юношам, спящим вокруг него.

— Теперь, мы станем в какой-то степени первопроходцами. Мы создали сильнейший Облаченный Меч 2-го Гира.

— Эй.

Ацута глянул через плечо, повернувшись к Касиме. Он улыбался, и его брови изогнулись. Сложно было сказать, это недовольная улыбка или радостная.

И с этой улыбкой он задал вопрос:

— Я могу использовать этот меч?

Касима кивнул.

— Ацута, скажи мне правду.

— О чем?

— У меня... хорошо получилось?

— А то, — всякое сомнение покинуло лицо Ацуты. — Но от похвалы ты начнешь о себе воображать, так что я больше ничего не скажу. Даже этот молодняк на что-то сгодился. Но... — Он перевел дух, начал говорить, но остановился, подбирая слова. — Жалко, что ты не можешь похвастаться своей женушке.

— Жалко, — согласился Касима, кивая.

Он развернул обертку со жвачки, и поместил тонкую пластинку себе в рот.

Затем разжевал её немного и с улыбкой произнес:

— Эта штука просто ужасна на вкус.

Утреннее солнце начало подниматься к полудню.

В горах Окутамы от родительского дома Касимы раздался одинокий голос.

Он принадлежал Нацу. Она читала книжку с картинками.

Женщина сидела на деревянном полу южной веранды, повернутой к рисовому полю. Она оделась в спортивные штаны с белой футболкой и держала Харуми.

Рядом с ней стоял открытым синий ранец, принесенный из дому.

Нацу держала книжку с картинками, озаглавленную «Ямата-но Ороты».

Пока она читала книгу, на её губах стояла улыбка.

— Кусанаги преподнесли на небеса, и он стал известен как Муракумо.

Эти финальные слова знаменовали счастливый конец, и, прочитав их вслух, Нацу с улыбкой закрыла книгу.

— Ты устала? — спросила она.

Однако её дочка уже закрыла глаза.

Нацу слышала, как кто-то шагает позади неё по татами.

Она обернулась и обнаружила, что это мама Касимы. Пожилая женщина носила одежду в японском стиле и всматривалась в неё сзади.

— Мне стоит принести футон?

— Да, пожалуйста.

Пожилая женщина кивнула и отправилась к шкафу внутри дома.

Держа на руках ребенка, Нацу встала.

— Э, а где же отец? Он даже не вышел косить сегодня утром.

— Ох, этот старик надулся прошлой ночью из-за того, что ты с ним не пила, хоть он и приготовил sake. Он становился все назойливее, и много чего произошло, но в итоге я зашвырнула его в сарай.

— Сегодня утром я слышала, как из сарая доносится какой-то шум, но я подумала, что это просто кот.

— Он уже утих, правда?

— Да. Честно говоря, я не слышу никаких признаков жизни.

— Если я его сейчас выпущу, он не раскиснет в содеянном, потому лучше подождать до полудня. — Пожилая женщина разложила futon. — Это просто милая ревность старушки. Ке-ке-ке.

Рассмеявшись, она расположила futon в тени рядом с солнцем и поместила поверх него одеяло.

— С другой стороны, ты решила пить только с Аки, верно? Ты не можешь делать исключение здесь для его родителей. ...Теперь, иди сюда.

Нацу положила Харуми на futon. Затем вытащила полотенце из рюкзака, мягко обернула его вокруг младенца и убедилась, что шея ребенка расположена правильно.

— Ты хорошо в этом приоровилась.

— У меня был хороший учитель.

Нацу и пожилая женщина обменялись слабыми улыбками.

Вслед за этим старушка глянула на улицу. Она смотрела далеко на восток. На вершине горы виднелись белые строения ИАИ.

Если стоять во дворе ясным днем вроде этого, можно беспрепятственно окинуть взглядом всю округу до самого города.

— Как этот дурачок Аки мог пренебречь такой чудесной женой в такой прекрасный день?

Пожилая женщина взглянула на две книги с картинками, лежащие на веранде.

— Нацу-сан, это то, что я думаю?

— Да. Их нарисовал мой отец. Акио-сан о них не знает.

— ...

— Моя мать сказала мне давным-давно, что он нарисовал эту серию, как только узнал, что у него будет ребенок.

Нацу перевела дух, глянула на Харуми, и прищурилась.

— Я подумала, что смогу понять своего отца немного лучше, если сейчас их прочту. Как Касима, и как Такаги Нацу.

— И ты поняла?

— Нет. ...Но как только я вернусь домой вместе с Акио-саном, думаю, я позвоню моим родителям.

— Твоя ситуация родителями кажется запутанной.

— Так и есть, — Нацу слабо улыбнулась. — Могу я спросить, какая Ваша девичья фамилия?

— Касуга. Можно сказать, у тебя есть защита одновременно от Храма Касима и Храма Касуга.

— К тому же, друг Акио-сана может быть Храмом Ацута, и компания, на которую он работает, носит имя Изумо. ...Это, может быть, всего лишь совпадения, но их так много, что это наверняка хороший знак. — Нацу повернулась к книгам с картинками. — Мне кажется, вы поймете. ...Мы одновременно и принцессы, и Кусанаги, не так ли? Выйдя замуж за властителя силы, мы получили фамилию, и вместе с тем изменились. А еще, мы придаем носителю силу.

— Я не уверена, как это работает с моим дурнем, закрытым в сарае, но ты и впрямь придаешь силу Аки.

— Большое Вам спасибо. ...Мы недавно закончили наш семейный совет решением, что Акио-сан — это Ямато Такэру. В таком случае, кто для него герой? Кого он видит как Сусаноо? И есть ли у этого человека собственная принцесса и их собственный Кусанаги?

— Которая из них сейчас ты? — спросила пожилая женщина. — Ты Кусанаги, носимый руками человека, или Муракумо, представленный небесам?

— Я Кусанаги. Я не Муракумо, который не знает ничего о мире, и служит лишь декорацией. Я Кусанаги, рассекающий траву в землях людей.

Она кивнула.

— Вот как я должна использовать силу, дарованную мне моим властителем.

Железнодорожная станция на западной стороне Токио соединяла несколько разных колей.

Она именовалась JR Станция Хаидзима.

На станции было четыре плоских платформы, но утром здесь останавливалось всего несколько поездов. Переход между колеями также занимал немного времени.

На первой платформе Линии Ицукайти в направлении Акигавы остановился поезд. В данный момент он ожидал десять минут, перед тем как отправиться дальше.

Запах от магазина с ramenом перед станцией наполнил передний вагон. Внутри него сидел одинокий человек.

Это Саяма. С пиджаком, сложенным на коленях, и локтем на поручне, он устремил взгляд перед собой.

Сохраняя привычную невозмутимость, парень был на обратном пути от Хиба Додзё. Но в то же время, его лицо выглядело несколько задумчивым.

Ранее он связался с общежитием, но Синдзё Сецу по-прежнему не вернулся.

— Его там не было, даже когда я прошлой ночью позвонил главе общежития. Куда он пропал?

Саяма выдал обескураженный вздох.

Садаме скорее всего знала, где находился Сецу, но она оставила Хиба Додзё до того, как парень проснулся.

— Когда я спросил старушку Тоси, она не дала прямого ответа.

...Оба члена этого пожилого семейства очень странные.

Однако ему определенно представится шанс увидеть Садаме сегодня.

Этим вечером в восемь, Отряд Левиафана и USAT будут проводить в Мемориальном Парке Сёва тренировочный бой.

— Как мне следует там разобраться с Синдзё-кун?

Как только он начал думать об их обоих, Баку высунул головку из грудного кармана.

Оттуда завибрировал мобильный телефон.

Саяма поднялся и вышел на платформу.

Ощувив холодный воздух, он вытащил телефон.

— Алло?

— О, Саяма-кун? Это Синдзё Сецу.

Услышав этот голос после такого длительного времени, с губ Саямы сорвался смех.

— Звонок от тебя? Какая редкость. С тобой всё хорошо?

— Д-да. Я в порядке.

— Серьёзно? Ты уверен, что когда покинул школу, тебя на самом деле не похитила сомнительная группа, требующая теперь выкуп? Если так, я бы хотел получить твою похвалу, изящно уладив вопрос.

— П-прости, но я звоню с таксофона, так что не могу долго разговаривать.

— Какая жалость. Тогда, тебе что-нибудь нужно?

— Ну, — сказал Синдзё. — Я вернусь сегодня в школу к пяти вечера. Ты будешь в нашей комнате?

Тренировочный бой в Мемориальном Парке Сёва начнется в восемь. Если они соберутся к 7:30, он спокойно успеет, покинув школу сразу после шести, потому он кивнул.

— Меня устраивает. Пять, ты сказал? Я обещаю, что буду в нашей комнате в общежитии.

Он услышал, как из трубки пришел вздох.

Это был вздох облегчения.

И только Саяма задумался, что это значит...

— Спасибо. Значит, договорились.

Синдзё положил трубку.

Услышав от Синдзё некоторую нетерпеливость, Саяма уставился на свой черный телефон.

Но от него не прозвучало больше никаких слов.

Он всего лишь услышал на платформе звонок, означающий, что поезд скоро тронется.

<http://tl.rulate.ru/book/95927/3275247>